

На правах рукописи

Елизавета Александровна ЩЕРБАКОВА

ПСЕВДО-ГИППОКРАТОВСКИЙ ТРАКТАТ «ОБ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ» КАК
ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ УЧЕНИЯ ГЕРАКЛИТА

Специальность 10.02.14 – классическая филология,
византийская и новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени кандидата наук

Москва 2013

Работа выполнена на кафедре классической филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
КУЗНЕЦОВ АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ

Официальные оппоненты: **РОССИУС АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**
доктор филологических наук,
Институт философии Российской академии наук,
главный научный сотрудник

БУГАЙ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
кандидат философских наук, доцент
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Философский факультет,
кафедра истории зарубежной философии

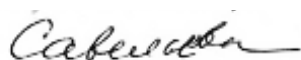
Ведущая организация: **ПРАВОСЛАВНЫЙ СВЯТО-ТИХОНОВСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Защита состоится «18» декабря 2013 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.82 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, I учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан «_» _____ 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

О. М. САВЕЛЬЕВА

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Объектом нашего исследования является античный медицинский трактат «Об образе жизни» (Περὶ διαίτης / De victu¹), входящий в так называемый «гиппократовский корпус»². Важнейшая и наиболее интересная для нас особенность этого памятника античной медицинской литературы заключается в том, что в нем явно прослеживаются влияния раннегреческой философии. Впрочем, следует заметить, что в этом отношении он не единственный в своем роде: философские влияния присутствуют и в трактате De carnibus (*О плоти*), и в De natura hominis (*О природе человека*), и в целом ряде других, однако De victu уникален именно своим «гераклитовским материалом».

Из вышесказанного видно, что De victu интересует нас не только и не столько с точки зрения истории медицины, а прежде всего как источник по философии Гераклита. Таким образом, основным **предметом данного исследования** являются отдельные элементы гераклитовского учения, которые нашли отражение в De victu и которые мы надеемся с его помощью реконструировать. Одним из таких элементов является параллелизм между микрокосмом и макрокосмом, игравший важнейшую роль в гераклитовской космологии и психологии. Именно этот параллелизм мы обнаруживаем в первой книге De victu.

Между тем, хотя трактат очень рано привлек интерес исследователей греческой философии³ и периодически использовался как источник, в последнее время гераклитоведы почти полностью забросили этот примечательный текст. Так, Мирослав Маркович замечает, причем без всяких объяснений, что параллели между фрагментами Гераклита и De victu «вообще не релевантны»⁴, а Джеффри Керк и вовсе считает, что автор «в отличие от Гераклита, сам не знал, что хотел сказать»⁵.

В нашем исследовании мы поставили под сомнение эту точку зрения; ведь

¹ Здесь и далее мы следуем общепринятой номенклатуре и использовать латинские названия трактатов гиппократовского корпуса: De victu, De carnibus и. т. п.

² Составленное в эллинистическую эпоху собрание медицинских трактатов, приписываемых Гиппократу, но принадлежащих разным авторам.

³ Впервые на De victu обратил внимание еще в 1752 году И. М. Геснер, который обнаружил в трактате многочисленные аллюзии и парафразы отдельных гераклитовских фрагментов.

⁴ Marcovich M. Heraclitus. Greek Text with a Short Commentary. Sankt Augustin, 2001. P. 315.

⁵ Kirk G. S. Heraclitus. The Cosmic Fragments. Cambridge, 1954. P. 21.

трактат написан⁶ на рубеже V–IV в. д. н. э., и, следовательно, не зависит от Платона, чья интерпретация Гераклита оказала огромное, если не сказать решающее, влияние на дальнейшую исследовательскую традицию, в том числе современную. Поэтому *De victu* заслуживает внимания (и непредвзятого отношения!), хотя бы как *ранний и независимый* источник.

Соответственно, в нашей работе мы преследовали **две взаимосвязанные цели**: во-первых, *заново оценить De victu как источник*, т. е. текст, служащий для реконструкции философии Гераклита, а во-вторых, собственно *реконструировать отдельные пункты гераклитовской доктрины*. Для этого нам необходимо решить две важнейшие **задачи**, а именно:

- a) Выделить в трактате гераклитовский материал.
- b) Сопоставить этот материал с имеющимися у нас фрагментами и доксографическими свидетельствами⁷.

На первый взгляд, **методологическая процедура** предельно ясна и уже содержится в формулировке задач нашего исследования: вычленив гераклитовские аллюзии и сопоставить их с его собственными фрагментами и доксографией.

Однако надо заметить, что к тексту *De victu*, как и к другим источникам, необходимо подходить «холистически». Следует учитывать, что неизвестный автор реципировал не отдельные гераклитовские фразы, а, в первую очередь, саму *гераклитовскую мысль*. Именно поэтому нам так важно понять его (автора *De victu*) собственные рассуждения и проанализировать трактат как единое связное целое.

Иными словами, предполагаемые аллюзии на Гераклита нельзя рассматривать вне контекста, в котором они стоят в трактате, подобно тому, как археологические находки нельзя немедленно извлекать из культурного слоя.

Таким образом, один из важнейших вопросов, которым мы задаемся в нашем исследовании: зачем автору *De victu* понадобился Гераклит? Почему он вообще заинтересовался его философией?

⁶ См. стр. 9–10 данного реферата.

⁷ Введенный Германом Дильсом термин «доксография» мы понимаем расширительно. К доксографии мы относим, во-первых, античные сочинения историко-философской направленности, такие, например, как «Жизнеописания философов» Диогена Лаэртия; и во-вторых, самостоятельные философские или любые другие тексты, где среди прочего излагаются взгляды тех или иных мыслителей.

Итак, повторимся, наша задача сопоставить гераклитовские аллюзии в *De victu* с фрагментами (прямыми цитатами) и доксографией (античными рефератами), и попытаться реконструировать на основании этого сопоставление гераклитовское учение.

Однако эту работу исследователи в значительной мере проделали до нас⁸ и не достигли, как нам представляется, большого успеха. В первую очередь потому, что «хирургический» подход к тексту источника, когда из него вырезают «нужный» материал и отбрасывают все «лишнее», в большинстве случаев не дает ничего, кроме дуплетов уже известных фрагментов⁹.

Помимо этого, в *De victu* мы постоянно сталкиваемся с тем, что какой-то отрывок кажется нам по некоторым причинам (к примеру, в силу стилистического сходства или близости идей) гераклитовской реминисценцией, но у нас нет фрагментов, т. е. *ipsissima verba*, подтверждающих, что перед нами подлинная гераклитовская мысль. Ясно, что сам по себе такой отрывок не может быть использован для реконструкции, иначе мы окажемся в порочном круге.

В этом случае на помощь приходят параллели с доксографией, т. е., если два или более источника сообщают одно и то же, и если эти источники – что крайне важно! – не зависят друг от друга, то мы можем утверждать, что они восходят к одному «архетипу».

Предположим, мы обратили внимание на сходство между каким-то отрывком из *De victu* и неким (независимым от него!) доксографическим свидетельством о гераклитовском учении. Если это сходство нельзя объяснить случайностью или простым совпадением, то мы вправе признать этот отрывок гераклитовской аллюзией и, следовательно, использовать эту аллюзию для дальнейшей реконструкции. Именно поэтому *De victu* так важен для нас – он представляет собой источник хронологически близкий к «архетипу», т. е. к Гераклиту.

Однако тут возникает ряд герменевтических трудностей; А. В. Лебедев еще в 1980 году¹⁰ показал, что современная интерпретация античных фрагментарных

⁸ См., например, издания Гераклита И. Байютера, Г. Дильса и М. Марковича, где отрывки из *De victu* приведены в качестве *similia* к некоторым фрагментам.

⁹ Сами по себе эти дуплеты не вовсе бесполезны, так, например, в некоторых случаях они помогают установить текст, если имеется спорное чтение, но таким образом препарированные свидетельства не слишком далеко продвигают нас в понимании гераклитовской мысли.

¹⁰ *Лебедев А. В. ΨΥΧΗΣ ΠΕΙΡΑΤΑ (О денотате термина в космологических фрагментах Гераклита 66–67 Marcovich // Структура текста. М., 1980. С. 118–147].*

текстов в силу ряда причин методологически ущербна. Мало того, что эти тексты дошли до нас только в виде вырванных из контекста цитат, Герман Дильс в своем знаменитом собрании «Фрагментов досократиков» удалил еще и контекст, в котором эти цитаты находились в античных источниках. Так, по словам Лебедева, «цитаты, вырванные из контекста цитаторов, стали «фрагментами»¹¹ и в таком препарированном виде достались последующим поколениям филологов.

Недостатки такого издательского принципа сегодня кажутся очевидными: лишенный какого бы то ни было контекста фрагмент (часто одна единственная фраза) можно толковать каким угодно образом, причем верифицировать такую интерпретацию невозможно.

Следовательно, возникает острая необходимость в надежном критерии, своего рода измерительном инструменте, который позволил бы подтвердить или опровергнуть ту или иную предложенную исследователем трактовку.

Таким критерием мог бы стать разработанный А. В. Лебедевым **метод «герменевтических изоглосс»**, который вкратце заключается в следующем: если два или более независимых античных интерпретатора истолковывают некий фрагмент одинаково или если этот фрагмент помещен в двух (опять же независимых!) источниках в одинаковый контекст, и все это не может быть случайным совпадением, то бремя доказательства лежит на том исследователе, который отвергает античную интерпретацию. Однако просто игнорировать античные толкования он не имеет права.

Кроме того, поскольку данный метод основан на принципе доверия к античной традиции, он позволяет только ограничить свободу интерпретатора, но и обнаружить новый материал (аллюзии, реминисценции и даже прямые цитаты) там, где его раньше не замечали. В случае Гераклита и De victu это, как мы надеемся показать, особенно актуально.

Ясно, впрочем, что перед нами всего лишь голый метод. На деле интерпретатор сталкивается с множеством трудностей. К примеру, часто возникает вопрос, действительно ли независимые источники согласны между собой, т. е. во многих случаях античные толкования, на которые мы вынуждены полагаться, сами нуждаются в толковании. Тут, конечно, велика опасность, разъясняя их,

¹¹ Ibid. P. 118.

впасть в тот самый логический круг, о котором мы говорили выше; но такого рода ошибки являются уже недостатком интерпретатора, а не применяемой им процедуры, и могут быть исправлены его коллегами.

Следует заметить, что метод герменевтических изоглосс, который мы использовали в нашем исследовании, несмотря на выдающиеся результаты, не был принят большинством исследователей; и дело не в том, что в самой процедуре были обнаружены какие-то погрешности, а в том, что она была фактически проигнорирована научным сообществом.

Именно поэтому сегодня есть потребность в новых исследованиях, где бы широко применялся метод «герменевтических изоглосс». В ходе нашей работы мы пришли к выводу, что он может многое дать для понимания, а главное, верифицируемого понимания Гераклита. В этом, как мы полагаем, и заключается научная новизна данного исследования.

Что касается De victu, то описанный выше новый источниковедческий подход позволяет не только надежно оценить гераклитовский материал, но и прояснить отдельные темные отрывки в трактате. Если взглянуть на публикации последних 5-10 лет, специально посвященные De victu, отчетливо видно, что филологи при анализе предполагаемых реминисценций и аллюзий по-прежнему полагаются на строгий метод, а на собственную филологическую и философскую интуицию.

Таким образом, научная актуальность нашего исследования обусловлена, прежде всего, тем, что мы применяем новый, а точнее, незаслуженно оказавшийся в тени, метод исследования фрагментарных текстов; и с помощью этого метода пытаемся реконструировать новые фрагменты гераклитовской мысли, а в некоторых случаях и подлинные фрагменты его текста.

Источниковедческая база работы. Основным источником нам послужили, во-первых, фрагменты Гераклита и гераклитовская доксография, а также псевдо-гиппократовский трактат De victu. Причем последний цитируется по изданию Робера Жоли и Симона Биля¹².

В работе также рассматриваются чтения следующих *основных рукописей* De victu: Marcianus graecus 269, saec. X (M), Vindobonensis medicus graecus 4,

¹² Joly R., Byl S. Hippocrate. Du régime [ed 2]. CMG I. 2.4. Berlin, 2003.

saec. XI (θ) и двух позднейших манускриптов.

Латинский перевод первой книги De victu, сохранившийся в единственном манускрипте Parisinus lat. 7027 (fol. 55r–66r), saec. X (P), цитируется по изданию Р. Жоли и К. Деру¹³.

Что касается фрагментов Гераклита, а также гераклитовской доксографии, то они приводятся во всех случаях, где это специально не указано, по изданию Мирослава Марковича¹⁴. Мы также следуем предложенной Марковичем нумерации фрагментов, и обозначаем их, соответственно, аббревиатурой «Mch». Остальные фрагментарные тексты и доксография цитируются, если не указано иное, по собранию Дильса-Кранца¹⁵ и обозначаются аббревиатурой «DK».

Наконец, везде, где это специально не оговорено, переводы греческих и латинских текстов выполнены нами специально для данного исследования.

Практическое значение работы заключается в том, что она могла бы лечь в основу нового комментария к первой книге De victu. Лучшее на данный момент комментированное издание, составленное Робером Жоли и Симоном Билем, имеет тот недостаток, что уделяет гераклитовскому материалу в трактате незаслуженно мало внимания.

Что касается **результатов работы**, то они могут быть использованы не только при подготовке комментария к De victu, но и для составления учебных курсов и пособий по древнегреческой медицине и философии.

Апробация работы. Результаты исследования были представлены нами в виде докладов на конференции «Ломоносовские чтения» в г. Москве (МГУ им. М. В. Ломоносова, апрель 2011 г.), а также на научном семинаре «Современные проблемы антиковедения» (Москва, РГГУ, февраль 2013 г.) и на конференции «Чтения памяти И. М. Тронского» (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, июнь 2013).

Структура работы вкратце следующая: *введение*, где дается общая характеристика диссертации, описывается метод и краткая история затрагиваемых в ней вопросов; *основная часть*, состоящая из четырех глав; *заключение* и *библио-*

¹³ Deroux C., Joly R. La version latine du livre I du traité pseudo-hippocratique «Du Régime» (editio princeps) // Lettres latines du Moyen Age et de la Renaissance. G. Cambier, C. Deroux, J. Préaux ed. Bruxelles, 1978. P. 129–151.

¹⁴ Marcovich M. Heraclitus. Greek Text with a Short Commentary [1ed. Merida, 1967]. Sankt Augustin, 2001.

¹⁵ Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch von Hermann Diels. Herausgegeben von Walther Kranz [6. Aufl. 1951-1952]. Bd. 1-3. Unveränderte Neuauflage. Hildesheim, 2004-2005.

графия.

Наконец, прежде, чем мы перейдем к описанию содержания работы, необходимо сформулировать основные положения, которые выносятся нами на за-
щиту:

- Параллель микро- и макрокосма, на которой построено все рассуждение в первой книге De victu, заимствована у Гераклита. Автора De victu в учении Гераклита привлек именно последовательный микро-макрокосмический параллелизм в самых разных его аспектах.
- Дуализм воды и огня в De victu I, 3 был заимствован автором непосредственно у Гераклита.
- В космологии Гераклита, помимо троичного и четверичного, был еще и двоичный цикл элементов, относившийся, по-видимому, к микрокосму.
- Аналогия «природы» и «искусства» в De victu также является частью общего рассуждения о микро- и макрокосме и восходит к Гераклиту.
- Тезис τέχνη τὴν φύσιν μιμῆται (*искусство подражает природе*) был впервые сформулирован Гераклитом.
- Сравнение процессов в организме с работой плотников в De victu является, по всей видимости, гераклитовской реминисценцией.
- В космологии Гераклита присутствовала аналогия «движение солнца как перетягивание каната», построенная сходным образом.
- Представление о ψυχή (*душе*) как о материальной пневме в De victu также является частью параллелизма микрокосма и макрокосма и восходит к Гераклиту.
- Наконец, у самого Гераклита была пневматическая концепция ψυχή, и представление о светилах как о «чашах» (σκάφαι) является частью этой концепции.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение состоит из 8 пунктов и содержит краткую характеристику рабо-

ты: ее целей, задач, основных гипотез и метода. Помимо этого, в нем кратко описывается история изучения и проблема датировки *De victu*; а также история изучения Гераклита.

На данный момент можно с уверенностью сказать, что относительно датировки нашего трактата исследователи пришли к согласию. Карл Фредрих, и вслед за ним Робер Жоли, подробно занимавшийся этой проблемой, доказали, что он написан на рубеже IV и V в. до н. э.

Как мы уже говорили, в последнее время гераклитоведы практически забросили *De victu*, предпочитая не видеть в нем ничего специфически гераклитовского, кроме отдельных очевидных цитат и намеренно темного стиля.

Основная тому причина, во-первых, склонность филологов, занимающихся фрагментарными текстами, не доверять античной традиции; а во-вторых, господствующее в современной науке, по крайней мере, со времен знаменитой книги Бернета «*Early greek philosophy*» (*Ранняя греческая философия*) механистическое представление о Гераклите как о космологе.

В рамках этой традиции Гераклит предстает как продолжатель так называемого ионийского, т. е. преимущественно «естественнонаучного», направления в ранней греческой философии. Наиболее отчетливо эта тенденция прослеживается в работе Джеффри Керка, которая неслучайно носит название «*Heraclitus: The Cosmic Fragments*» (*Гераклит: космологические фрагменты*). Как нам кажется, исследователи упорно игнорируют *De victu* потому, что трактат не вписывается в это устоявшееся представление.

Основополагающим систематическим исследованием *De victu* как в медицинском, так и в «философском» аспекте остается знаменитый труд Робера Жоли 1960 года «*Recherches sur le traité pseudo-hippocratique Du régime*» (*Исследования псевдо-гиппократовского трактата «Об образе жизни»*), а также его совместный с Симоном Билем комментарий к изданию трактата в *Corpus Medicorum Graecorum*. Впрочем, полагаясь в основном на выводы Керка, он уделяет гераклитовским реминисценциям в трактате мало внимания. Подробный анализ его точки зрения, а также взглядов Фредриха и др. можно найти в первой главе.

Первая глава («Космология De victu и Гераклит») состоит из двух частей, каждая из которых подразделяется на 3 подпункта. Она посвящена анализу изложенной в De victu I, 3 теории, согласно которой человек состоит из двух элементов: воды и огня, причем вода в этой схеме служит огню пищей. Эти противоположные элементы попеременно преобладают в организме, и баланс их поддерживается за счет того, что ни один из них никогда не уничтожает другой полностью, а лишь доходит до его ἔσχατον, т. е. некой крайней точки. Вода и огонь проходят, таким образом, путь ἐπὶ τὸ μῆκιστον καὶ ἐλάχιστον / *от точки максимума, до точки минимума*, причем то, что максимум для огня, – минимум для воды, и наоборот.

В пунктах 1.1 («Атрибуция De victu I, 3. Основные взгляды на проблему») и 1.2 эта схема подробно анализируется (сначала чисто структурно, т. е. без привлечения философских параллелей) и делается вывод, что она создавалась по макрокосмической модели, т. е. огонь (πῦρ) и вода (ὑδωρ) уподоблены здесь дню и ночи, которые в годичном цикле также проходят путь ἐπὶ τὸ μῆκιστον καὶ ἐλάχιστον / *от точки максимума до точки минимума*, т. е. от точки летнего до точки зимнего солнцестояния, причем летнее солнцестояние (самый длинный день в году) – это одновременно maximum дня и minimum ночи, а зимнее солнцестояние, соответственно, наоборот.

В пункте 1.2 («Связь между De victu I, 3 и De victu I, 5») высказывается предположение, что дуалистическая концепция элементов тесно связана с последующим рассуждением (De victu I, 5) о постоянном ритмическом движении космоса. Эта идея ритмической пульсации выражена в De victu I, 5 формулой χωρεῖ δὲ πάντα καὶ θεῖα καὶ ἀνθρώπινα ἄνω καὶ κάτω ἀμειβόμενα <...> ἐπὶ τὸ μῆκιστον καὶ ἐλάχιστον / *все вещи божественные и человеческие движутся туда-сюда попеременно <...> до максимума и минимума*.

Фраза πάντα χωρεῖ, в свою очередь, надежно засвидетельствована в гераклитовской доксографии, из чего мы делаем вывод, что, если наша дуалистическая теория непосредственно с ней связана, то это косвенным образом подтверждает ее (дуалистической теории) гераклитовское происхождение.

В пункте 1.3 подробно обсуждается возможное толкование фразы $\chi\omega\rho\epsilon\acute{\iota}$ δὲ πάντα <...> ἄνω καὶ κάτω ἀμειβόμενα из De victu I, 5, которую традиционно связывают с приписываемой Гераклиту Платоном «теорией потока» и считают парафразой знаменитого фрагмента о реках (40 Mch).

Рассматривая контекст, в котором эта фраза стоит в De victu¹⁶, мы приходим к выводу, что общепринятый перевод $\chi\omega\rho\epsilon\acute{\iota}$ δὲ πάντα является ошибочным, и $\chi\omega\rho\epsilon\acute{\iota}$ означает здесь не «течет», а «движется».

Далее мы анализируем платоновское сообщение относительно «универсального потока» у Гераклита.

Сопоставляя свидетельства Филона Александрийского, Лукиана, De victu и собственно Платона (контексты сведены в таблице на стр. 43 диссертации), мы заключаем, что три из четырех независимых источников приписывают Гераклиту представление о попеременном *движении*, выраженное в формуле πάντα $\chi\omega\rho\epsilon\acute{\iota}$ (*все движется*), и только один из них (Платон) связывает эту фразу с потоком.

Сравнив все свидетельства, мы получаем следующий гипотетический гераклитовский текст: πάντα $\chi\omega\rho\epsilon\acute{\iota}$ ἄνω κάτω ἀμειβόμενα. Причем $\chi\omega\rho\epsilon\acute{\iota}$ подтверждается консенсусом Платона, De victu и частично Лукиана, а ἄνω κάτω и ἀμειβόμενα – consensu omnium (форму ἀμειβόμενα следует предпочесть ἀμείβοντα, судя по свидетельствам Лукиана и De victu).

Отсюда мы делаем вывод, что πάντα $\chi\omega\rho\epsilon\acute{\iota}$ (sic!) ἄνω κάτω – это *самостоятельный гераклитовский фрагмент*, не имеющий никакого отношения ни к фрагменту 40 Mch о реках, ни к «теории потока»; а платоновская формулы πάντα $\rho\epsilon\acute{\iota}$ представляет собой контаминацию аутентичного тезиса πάντα $\chi\omega\rho\epsilon\acute{\iota}$ и образа реки из фрагмента 40.

Теперь мы обязаны объяснить, как эта контаминация могла возникнуть. Для этого мы сначала приводим наиболее вероятное, с нашей точки зрения, толкование фрагмента 40 Mch о реках. Яп Мансфельд убедительно показал, что в

¹⁶ Если во фразе действительно идет речь о «потоке бытия», то неясно, почему, как сказано De victu, он течет «туда сюда по очереди» (ἄνω καὶ κάτω ἀμειβόμενα).

этом фрагменте речь идет о погружении души в телесный поток, и река у Гераклита – символ не потока бытия, а *физиологического потока* (притока и оттока пищи в организме), в который погружаются души¹⁷.

Соответственно, мы приходим к заключению, что контаминация потока и движения у Платона произошла по нескольким причинам: а) у Гераклита действительно было представление о постоянном движении, но строго ритмизованном; б) в гераклитовской космологии процессы в микрокосме параллельны процессам в макрокосме, так что телесный (микрокосмический) поток вполне мог быть экстраполирован на макрокосм; в) во фрагменте 40 Mch речь шла о *психологическом* потоке¹⁸, который был истолкован Платоном как поток *онтологический*.

Во второй части («Дуалистическая концепция De victu в свете гераклитовских фрагментов и доксографии»), мы, как следует из заголовка, рассматриваем параллели между De victu I, 3, гераклитовской доксографией и фрагментами.

Вначале мы анализируем параллели между De victu (I, 3), отрывком из Аристотеля и фрагментом Клеанфа. Так, Аристотель в (Meteor. 354 b 33) фактически приписывает Гераклиту метеорологическую теорию, согласно которой солнце питается влагой и потому совершает солнцевороты (τροπαί).

Нечто весьма схожее мы находим у стоиков (Клеанфа), которые, как известно, опирались в своей космологии на Гераклита¹⁹.

Причем сходство с De victu в обоих случаях исключительное: собственно, во всех трех вышеприведенных текстах мы обнаруживаем одну и ту же теорию, согласно которой огонь, как и солнце, питается водой, и совершает обороты, когда иссякает пища.

Таким образом, перед нами три независимых источника, имеющие непосредственное отношение к Гераклиту, которые сообщают нечто практически идентичное. Из этого мы заключаем, что теория питания огня-солнца, которую мы обнаружили в De victu I, 3, принадлежит Гераклиту.

¹⁷ Mansfeld J. Heraclitus on the Psychology and Physiology of Sleep and on Rivers // Mnemosyne. 1967. Vol. 20. P. 1–29.

¹⁸ Душа, погружаясь в телесный поток, в прямом смысле уподобляется ему, т. е. становится влажной, а влажная душа, по Гераклиту, безумна (ср. фр. 68-69 Mch).

¹⁹ См. Cic. De nat. deor. III, 37 = SVF 501.

Остальная часть первой главы посвящена попытке связать эту теорию с гераклитовскими фрагментами.

В пункте 2.1 рассматривается фраза «Ἐξ ἐπομβρίας αὐχμόν», которую мы находим у Диогена Лаэртия и в так называемых псевдо-гераклитовских письмах (письмо V и VI) в контексте известного биографического анекдота о гераклитовской болезни: философ, заболев водянкой, обратился к врачам с вопросом-загадкой: «Как из ливня сделать засуху?».

Анализ доксографических источников заставляет предположить, что фраза «из ливня – засуха», которую некоторые исследователи признают аутентичной, описывает какой-то гераклитовский цикл элементов. Мы знаем из фрагментов Mch 66 и Mch 53, что у Гераклита было, по крайней мере, два таких цикла: один – из трех, другой – из четырех элементов; но судя по всему, к ним следует добавить еще один цикл, включающий только два элемента – огонь и воду, метафорически представленные в наших свидетельствах как «ливень» и «засуха».

В пункте 2.2 («Цикл элементов во фрагменте 53 Mch») мы рассматриваем четверичный цикл из фрагмента 53 Mch и приходим к выводу, что между этим фрагментом и нашей дуалистической теорией есть явное сходство. Однако до сего момента это сходство оставалось незамеченным, поскольку фрагмент 53 Mch *πυρὸς τροπαὶ πρῶτον θάλασσα, θάλασσης δὲ τὸ μὲν ἥμισυ γῆ, τὸ δὲ ἥμισυ προηστῆρ* (*обороты огня: сначала, море, а море – наполовину земля, наполовину «перстер»*²⁰), по большей части, понимают неправильно.

Так, *πυρὸς τροπαὶ* обычно трактуют как «превращения» огня, однако Б. Снелль²¹ верно заметил, что *τροπαὶ* в архаическом греческом никогда не означает «превращения», а только «солнцевороты». Исходя из этого, мы интерпретируем фрагмент следующим образом: солнцевороты (*τροπαὶ*) огня – это метафора, сходная с той, которую мы обнаружили в *De victu* I, 3: *πῦρ* здесь мыслится как солнце, «море», «земля» и «перстер» как сменяющие друг друга сезоны²², а весь цикл элементов уподобляется астрономическому годичному циклу.

²⁰ Интерпретация этого гераклитовского термина, означающего, согласно LSJ, «ураган», до сих пор остается спорной. В описанном выше цикле элементов он стоит там, где ожидался бы *ἀήρ*-воздух.

²¹ Snell, B. Die Sprache Heraklits // Hermes. 1926. Bd. 61. S. 359–360.

²² Филон Александрийский (*De aetern. mund.* 109) *expressis verbis* отождествляет гераклитовский цикл элементов во фрагменте 53 Mch со сменой сезонов Великого года.

Говоря конкретней, *θάλασσα* – означает здесь точку зимнего солнцестояние (вода в рамках параллелизма времен года и элементов обычно отождествляется с зимой), а *ἡμισυ-ἡμισυ* – это в прямом смысле половина солнцестояния, т.е. точки весеннего и осеннего равноденствия (*πρηστήρ*-воздух и *γῆ*-земля отождествляются, соответственно, с весной и осенью).

Таким образом, двоичный цикл элементов в *De victu* представляет собой сокращенную версию описанного выше четверичного цикла: напомним, в *De victu* огонь также уподобляется солнцу движущемуся от точки максимума (летнее солнцестояние) до точки минимума (зимнее солнцестояние), однако из этой схемы исключены точки равноденствия.

Наконец, в последнем пункте (2.3) мы кратко рассматриваем представление об испарении в гераклитовской доксографии и отмечаем, что испарение-*ἀναθυμίασις* включено у Гераклита как в макро-, так и в микрокосмические циклы элементов: испарение в космосе – это воздух, а испарение в теле – душа.

Вторая глава («О «технологических аналогиях» в первой книге *De victu* и у Гераклита»), как и первая, состоит из двух частей и двух подпунктов, и посвящена аналогии *φύσις* (*природы*) и *τέχνη* (*ремесла/искусства*) в *De victu* и гераклитовской доксографии.

В первой части («О гераклитовском влиянии в так называемом «каталоге ремесел» в *De victu* I, 11–24») мы рассматриваем тезис *τέχνη τὴν φύσιν μιμῆται* («искусство» *подражает природе*), который лег в основу целого каталога «технологических» аналогий в *De victu* I, 11–24²³.

Здесь же мы отмечаем важнейшую структурную особенность аналогии *φύσις-τέχνη* в *De victu*, а именно: «подражание природе» предполагает в данном случае не «вертикальные» отношения типа оригинал-копия, а горизонтальные, т.е. тезис *искусство подражает природе* всегда может быть подвергнут инверсии и обращен в *природа подражает искусству*.

Такая инверсия возможна потому, что *φύσις* и *τέχνη* в нашем трактате

²³ Речь идет о технологических аналогиях, к примеру, такого типа: *τέκτονες πρόιοντες ὁ μὲν ὠθεῖ, ὁ δὲ ἔλκει* <...> *φύσιν ... ἀνθρώπου μιμῆονται. πνεῦμα τὸ μὲν ἔλκει, τὸ δὲ ὠθεῖ* (*плотники пилят [бревно], один тянет, другой толкает* <...> *они подражают природе человека. Дыхание то тянет, то толкает*).

фактически равноправны, т. к. обе подчиняются единому универсальному принципу, четко сформулированному в *De victu* I, 15 et passim «ὕπεναντίος ὁ τρόπος ἐκάστων, ὁμολογούμενος» (*характер всякой вещи противоречив, хотя и согласен*) и «ἐκ τῶν ὅλων μέρεα καὶ ἐκ τῶν μερῶν ὅλα» (*из целого – части, а из частей – целое*).

Оба тезиса («совпадение противоположностей» и «из одного многое, из многого – одно»), как известно, не только встречаются у Гераклита, но и были важнейшим элементом его системы. Нам также известно, что Гераклит использовал для иллюстрации своего принципа единства противоположностей аналогии из мира τέχνη (Фрагмент 32 Mch). Таким образом, мы выдвигаем предположение, что идея «подражания природе» в *De victu* заимствована именно у Гераклита.

В пункте 1.1 мы ищем дополнительное подтверждение этой гипотезы и рассматриваем параллели между каталогом τέχνη в *De victu* и гераклитовской доксографией, в частности, псевдо-гераклитовскими письмами и псевдо-аристотелевским трактатом *De mundo*. Так, в письмах V и VI мы обнаруживаем тезис о подражании природе, но речь идет не об «искусстве» вообще, а конкретно о врачебном искусстве.

Кроме того, в псевдо-гераклитовских письмах и в *De victu* «природа», которой подражает τέχνη, понимается как закон ритмического чередования противоположностей. Что касается прочей гераклитовской доксографии, то в псевдо-аристотелевском *De mundo* (396 b 7) фрагмент 25 Mch <...> ἐκ πάντων ἐν καὶ ἐξ ἑνὸς πάντα стоит в контексте рассуждения о подражании, весьма сходного с вышеприведенными; причем, согласно автору *De mundo*, «искусство» подобно природе в том смысле, что обе они следуют принципу ἐκ τῶν ἐναντίων τὸ σύμφωνον (*из противоположностей – гармония*).

Таким образом, два независимых доксографических источника приписывают Гераклиту, причем *expressis verbis*, одну и ту же идею. Эта идея присутствует также и в *De victu*, из чего мы делаем вывод, что тезис о подражании природе принадлежит Гераклиту.

Во второй части («Ἐύλον πρόϊζουσι или ξύλον τρυπῶσι. К интерпретации De victu I, 7») рассматривается повторяющаяся в De victu дважды аналогия между процессами в организме (дыханием и пищеварением) и работой плотников (De victu I, 6)²⁴.

В ходе нашего исследования мы пришли к выводу, что эта технологическая аналогия иллюстрирует принцип πάντα χωρεῖ ἄνω κάτω ἀμειβόμενα, который, как было показано главе 1, принадлежит Гераклиту; и поскольку она (аналогия) повторяются в De victu несколько раз без изменения фразеологии, то у нас есть все основания предполагать, что перед нами подлинная гераклитовская цитата или реминисценция.

В последнем пункте этой главы (2.1 «Аллегория «золотой веревки» в Plat. Theaet. 153 с в свете «технологических аналогий» в De victu и у Гераклита») мы высказываем гипотезу, что в космологии Гераклита присутствовала аналогия, подобная описанной выше аналогии с пилой и сверлом. Платон в Theaet. 153 с приводит аллегорическое толкование знаменитого гомеровского отрывка (Il. VIII 17–19) о «золотой веревке». По его словам, Гомер под золотой веревкой подразумевает солнце, постоянно движущееся ἄνω κάτω. Большинство исследователей считают, что эта аллегория принадлежит не самому Платону, а последователям Гераклита²⁵, однако истолковывают ее крайне неопределенно.

В пункте 2.1 мы задались вопросом, не была ли она каким-то образом вычитана непосредственно из гераклитовской книги, и пришли к выводу, что описанная у Гомера в этом отрывке детская игра «перетягивание каната» напоминает приведенные выше технологические аналогии с пилой и сверлом в De victu (в обоих случаях речь идет о попеременном движении ἄνω κάτω).

Мы знаем, что Гераклит использовал в своей космологии аналогии с дет-

²⁴ Мы предлагаем, вслед за Г. Бартошем [Bartoš H. The Analogy of Auger Boring in the Hippocratic De victu. // The Classical Quarterly. 2012. 62.1. P. 92–97], сохранить рукописное чтение в De victu I, 7 и I, 16, и утверждаем, что речь в данном отрывке идет о большом *лучном сверле*: вокруг его стержня обматывается тетива лука, и мастера орудуя этим луком, как двуручной пилой, т. е. буквально, «один тянет, другой толкает».

²⁵ На гераклитовское происхождение этой аллегии явно указывает контекст, в котором она стоит у Платона. Напомним, речь в этом отрывке из «Теэтета» (152 e ff.) идет о философах, придерживавшихся принципа *ничто не есть, но вечно становится*, к которым Платон относил, в первую очередь, Гераклита и его последователей.

скими играми²⁶ (Ср. фр. 93 Mch). Из этого мы заключаем, что перетягивание каната, скорей всего, подлинно гераклитовский мотив. Более того, судя по сообщению Евстафия (2. 515) и Ипполита (1. 4. 3. 1), у Гераклита могла быть развернутая метафора, описывающая движение солнца в дневном и/или годичном цикле как своеобразное перетягивание каната между «Зевсом» (надлунным пространством) и «Аидом» (подлунным).

В третьей главе («Космос как организм и организм как космос в De victu и у Гераклита»), которая, как и предыдущие, состоит из двух частей, речь идет об аналогии космоса и человеческого организма в De victu I, 9–10, и о доксографических сообщениях, которые приписывают такого рода аналогию самому Гераклиту.

В первой части мы анализируем весьма любопытное описание человеческого организма в De victu I, 10 как своего рода копии (ἀπομίμησις) мироздания: желудку соответствует море, плоти – земля и т.п.

Этот отрывок представляет для нас большой интерес, т. к. в нем имеются две несомненные аллюзии на гераклитовские фрагменты. Соответственно, мы задались вопросом, не является ли сама аналогия между космосом и человеческим телом также гераклитовской реминисценцией.

Одновременно нам необходимо было определить точное значение термина «ψυχή» в De victu. В главе I, 9 трактата сказано, что душа (ψυχή) заключена в некоем θερμότητος καὶ ἰσχυρότητος πῦρ, ὅπερ πάντων κρατεῖ (*самый горячий и сильный огонь, который правит всем*)²⁷. В пункте 1.1 мы попытались выяснить, где этот огонь локализован.

Автор De victu говорит о неких созданных огнем трех кругооборотах (περίοδοι), которые расположены в области *желудка, сердца и головы*; в макрокосме им соответствуют области *луны, солнца и звезд*.

В пункте 1.1 («Три кругооборота в человеческом теле. Что означает περίοδος в De victu I, 9-10?») мы попытались выяснить, обозначают ли кругообороты какой-то определенный орган или систему органов, и пришли к выводу,

²⁶ Гераклит, по всей видимости, использовал также и «спортивные метафоры». Ср. Lebedev A. V. The Cosmos as a Stadium: Agonistic Metaphors in Heraclitus' Cosmology // Phronesis. 1985. Vol. 30. P. 131–150.

²⁷ Большинство исследователей считает эту фразу гераклитовской реминисценцией. Ср. Mch 85 εἶναι γὰρ <ἐν τῷ σοφόν, ἐπίστασθαι γνῶμη, τότε ἐκκυβέροντες πάντα διὰ πάντων>.

что, судя по параллельному месту в De victu I, 8, περίοδοι в De victu I, 9 – это *кровеносные сосуды сердца головы и брюшной полости*, однако, помимо собственно крови, по ним движется также вдыхаемый воздух, переваренная пища и, главное, ψυχή.

В манускриптах De victu слово περίοδοι получает уточнение πυρός, т. е. «кругообороты огня», но издатели, за исключением Э. Литтре, его обычно удаляют. Мы же, напротив, считаем (пункт 1.2), что рукописное чтение **πυρός** περίοδοι необходимо сохранить: так, в De victu I, 35 описывается кругооборот души, который может быть быстрее или медленней в зависимости от того, насколько активен в нем динамический элемент – *огонь* (sic!).

Если в De victu I, 10 читать «кругообороты огня», то превосходная степень **θερμότητων / ἰσχυρότατων** πῦρ, по-видимому, означает, что огонь присутствует во всех трех кругооборотах, но самая горячая его часть сконцентрирована только в одном из них, причем, скорей всего, в *центральной* (μέσῃ περιόδῳ), поскольку именно он соответствует макрокосмическому солнцу.

Итак, самый горячий огонь, где сосредоточена душа, мы локализовали в центральном кругообороте, т. е. в области сердца. Однако из других мест трактата (De victu I, 25) мы знаем, что душа, по мысли автора, – это *смесь воды и огня* (σύγκρησις πυρός καὶ ὕδατος), которая попадает в организм вместе с дыханием. Таким образом, не ясно, как она может находиться в огне.

Тут на помощь приходят параллели из других текстов гиппократовского корпуса. В трактате «О священной болезни», современном De victu, мы сталкиваемся со сходным представлением о душе как о вдыхаемом внешнем воздухе, который распространяется по всему телу и исполняет моторные и интеллектуальные функции (De morbo sacro, 16); причем последние сосредоточены в «наилучшей», т. е. наиболее чистой, части этого разумного воздуха, которая, в свою очередь, концентрируется в одном определенном месте в теле, своего рода «командном центре». Подобного рода представление о ψυχή характерно для так называемых пневматических концепций.

На наш взгляд, в *De victu* мы обнаруживаем нечто весьма сходное: душа разлита по кровеносной системе, а ее высшие интеллектуальные функции сосредоточены в огненном элементе²⁸, который локализован в области сердца.

Однако представление о душе в *De victu* больше всего напоминает не *De motu sacro*, где носитель сознания – внешний воздух, а Гераклита и его фрагменты о сухой (огнеподобной) и влажной душе. Исходя из всего вышесказанного, мы заключаем, во-первых, что последняя фраза главы 10 *De victu* о душе, сконцентрированной в τὸ θερμότητος καὶ ἰσχυρότητος πῦρ является гераклитовской аллюзией, и, во-вторых, что между концепцией ψυχή в *De victu* и у Гераклита прослеживается явное сходство.

Во второй части («Параллель микро и макрокосма в гераклитовской доксографии. Ἦλιος τοῦ κόσμου καρδία») мы рассматриваем элементы микромакрокосмической аналогии «космос как человеческий организм» в гераклитовской доксографии. В частности, привлекается свидетельство схолиаста²⁹ XII века Гисдоса Схоластика, который приписывает Гераклиту аналогию сердца и солнца (фрагмент 115 Mch). Эта аналогия связана с представлением о сердце как о месте концентрации души.

Из фрагментов и доксографии мы знаем, что солнце, согласно Гераклиту, находится в центре космоса (*D. L. IX. 10*) и загорается, благодаря сконцентрированным в нем испарениям. При этом испарение мыслится как микромакрокосмический процесс, и ἀναθυμίασις отождествляется одновременно с душой и воздухом. Поэтому предположение, что у гераклитовского солнца, вместилища испарений, мог быть микрокосмический коррелят (сердце - вместилище души-испарения), кажется нам вполне вероятным.

Вообще говоря, представление о микрокосмической душе как о сконцентрированном испарении, включающее параллелизм микро- и макрокосма, характерно именно для пневматических концепций. Следовательно, вопреки возражениям М. Марковича, у нас нет оснований не доверять античным сообщениям о том, что в учении Гераклита о душе были «пневматические» элементы.

Четвертая глава («Элементы пневматической концепции в *De victu* и у

²⁸ Ср. *De victu I, 10* ἐν τούτῳ [τῷ πυρὶ] νοῦς, φρόνησις...

²⁹ Точнее говоря, свидетельство его стоического источника.

Гераклита») состоит из двух частей. Первая часть («О понятии ψυχή в De victu») посвящена анализу концепции ψυχή в De victu, причем в одном из важнейших с этой точки зрения отрывков трактата (De victu IV, 86) предлагается эмендация.

В пункте 1.1 («De victu IV, 86: ψυχή ἐγρηγορούσα или ψυχή ἐπεξέρπουσα?») мы подробно рассматриваем этот отрывок: в нем автор утверждает, что ψυχή в состоянии бодрствования разлита по всему телу и выполняет моторные и сенсорные функции, а во время сна, когда в них нет нужды, душа получает некоторую автономию и *«распоряжается собственным домом»* (διοικεῖ τὸν ἑωυτῆς οἶκον)³⁰.

В пункте 1.2 («Οἶκος ψυχῆς и animae domicilium») попытались выяснить, что подразумевается под «домом» (οἶκος), которым душа «распоряжается»?

Многие исследователи усматривают в этом отрывке влияние пифагорейских представлений о теле как о «темнице» или «гробнице» души. Однако, сопоставив De victu IV, 86 с отрывком из приписываемого Галену трактата De dignotione ex insomniis («О диагностике посредством сновидений») 6. 833. 17, мы пришли к выводу, что в трактате нет никаких следов пифагорейского дуализма души и тела.

Напротив, в De victu отчетливо видны элементы «пневматической» концепции души. Так, ψυχή, по мысли автора трактата, - это материальная субстанция, сконцентрированная в некоем «командном центре»³¹, посредством которой осуществляются сенсорные и моторные функции (собственно говоря, она является *единственным* органом ощущения). Таким образом, ψυχή в De victu находится в дружественных отношениях с телом и не имеет ничего общего с пифагорейским представлением о заточенной в теле бессмертной душе-даймоне.

В пункте 1.3 («Происхождение пневматической концепции De victu. Некоторые замечания») мы кратко отмечаем, что пневматические концепции бывают

³⁰ Следуя отчасти манускрипту M, мы читаем ἡ ψυχή κινευμένη καὶ ἐπεξέρπουσα διοικεῖ... (душа приходит в движение и, вытолзая, распоряжается...), а не ἡ ψυχή κινευμένη καὶ ἐγρηγορούσα (душа приходит в движение и, бодрствуя), как предлагает большинство издателей.

³¹ Мы даже можем с некоторой осторожностью локализовать этот центр: скорее всего, согласно автору De victu, он расположен в сердце. Напомним, в главе 3 нашего исследования мы пришли к выводу, что душа (по крайней мере, ее горячая «часть») в De victu I, 10 идентифицируется с огнем, который, в свою очередь, локализован в центральном кругообороте, соответствующем сердцу и солнцу.

двух типов. В одном случае, душа отождествляется с вдыхаемый внешним воздухом (Диоген Аполлонийский), в другом – с внутренним испарением из крови и телесных жидкостей.

Далее мы приходим к выводу, что концепцию $\psi\upsilon\chi\etá$ в *De victu* можно описать как пневматизм смешанного типа, т. е. $\psi\upsilon\chi\etá$ отчасти отождествляется с внутренним «врожденным» огнем в организме, отчасти – с вдыхаемым воздухом. В следующих пунктах мы пытаемся продемонстрировать, что гераклитовская пневматическая теория была построена сходным образом.

Во второй части («Следы пневматической концепции у Гераклита (в связи с *De victu*)») мы вновь возвращаемся к нашей метафоре $\omicron\acute{\iota}\kappa\omicron\varsigma \psi\upsilon\chi\etá\varsigma$, и отмечаем ее сходство с другой устойчивой метафорой, прочно связанной с пневматической концепцией души и представлением о душе как о *единственном* органе ощущений: «сенсорные каналы как окошки, из которых выглядывает $\psi\upsilon\chi\etá$ ».

Некоторые исследователи считают, что эта метафора восходит к Диогену Аполлонийскому, однако Секст Эмпирик приписывает сравнение сенсорных органов с окошками (и пневматическую концепцию души) *именно Гераклиту*³².

Интересным образом, наши источники расходятся в том, какого типа пневматизм был у Гераклита. Так, согласно псевдо-аристотелевским «Проблемам» и стоическому контексту фрагмента 40 Mch, душа у Гераклита – это испарение из телесной реки. С другой стороны, Секст Эмпирик отождествляет ее с внешним воздухом (концепция, напоминающая диогену). Наконец, в *Placita philosophorum* сказано, что душа, по Гераклиту, - это «смешанное испарение» (*Ps.-Plut. Placita philosophorum*, 898 d 10). Вопрос, какого типа пневматическая концепция была у Гераклита, специально рассматривается в следующих пунктах.

В пункте 2.1 («Сравнение души с углем в *De victu* и у Секста Эмпирика») и 2.2 («Еще раз о гераклитовских $\sigma\acute{\kappa}\alpha\phi\alpha\iota$ ») мы отмечаем, что в реферате гераклитовского учения Секста Эмпирика и *De victu* присутствует одно и то же сравнение души с загорающимися и гаснущими углями³³.

³² Любопытным образом, обе метафоры, «окошки» и «дом души» в *De victu*, не только встречаются в сходном контексте, но и выглядят как части одной метафорической «мозаики».

³³ Секст утверждает, что Гераклит сравнивал душу с углями: угли загораются, когда их подносят к огню,

Сравнивая оба текста, мы заключаем, что в них имеются общие детали, которые, на наш взгляд, не объясняются случайным совпадением. Таким образом, мы склонны считать сравнение ψυχή с углями подлинно гераклитовским.

Далее мы рассматриваем странное доксографическое сообщение, что Гераклит называл солнце и другие светила «чашами» (σκάφαί), где скапливаются и загораются испарения (ἀναθυμιάσεις).

Напомним, испарение у Гераклита – это микро- макрокосмический концепт: испарение в космосе – это воздух, а в теле – душа. Причем, если верить доксографии, душа, согласно ему, концентрируется в сердце, а испарение – в чашах.

Но какое отношение все это имеет к нашему «угольному» сравнению? Дело в том, что в контексте некоторых кардиоцентрических пневматических систем встречается сравнение сердца, где концентрируется душа-пневма, с *очагом* или *печкой*, в которых горит уголь (sic!). К примеру, у Аристотеля мы обнаруживаем весьма полезную типологическую параллель³⁴.

На основании этого мы выдвигаем гипотезу, что σκάφαί у Гераклита также должно обозначать что-то вроде очага или полукруглой жаровни.

В свое время Мартин Вест предположил, что σκάφαί – это чашевидные зооастрийские алтари³⁵, однако нет никакой необходимости привлекать ближневосточные параллели для толкования этого понятия. Впрочем, алтарь для воскурения – весьма подходящая для нас трактовка σκάφαί: во-первых, воскурение совершается на углях, во-вторых, от сжигаемых ароматических субстанций происходит своего рода ἀναθυμιάσις, в-третьих, курение благовоний упоминается в собственном фрагменте Гераклита (Mch 77), наконец, у Геродота (Hdt. 4.73–75) словом σκάφη, по-видимому, обозначается наполненная горячими камнями скифская курильница³⁶.

точно так же некая «часть объемлющего» в нас загорается, т. е. делается разумной, от контакта с внешним разумным воздухом.

³⁴ В *Arist. De partibus animalium*, 670 а 22 сердце мыслится как резервуар для внутреннего тепла, пневмы и души, и сравнивается с печью.

³⁵ *West, M. Early Greek Philosophy and the Orient*. Oxford, 1971. P. 157–176.

³⁶ Чашевидные алтари-жаровни вогнутой встречаются также и в Греции. Например, распространенные в классическую эпоху низкие переносные жаровни – ἐσχάρα, которые использовались, как в быту, так и в культе.

Следовательно, вполне возможно, что мы имеем дело с разработанной метафорой, например, такого типа: солнце – это своего рода космический алтарь-печь (σκάφη), а сердце – печь внутри нас, где скапливается и воспламеняется ψυχή-испарение³⁷.

Но если Гераклит действительно подразумевал под σκάφαι алтари и/или жаровни для угля, то его пневматическая концепция, судя по всему, должна была быть, как и в *De victu*, «смешанной», т. е. включать некое первоначальное воспламенение, быть может, за счет первоначального внутреннего испарения, с последующим притягиванием внешнего воздуха.

Итак, во второй части мы установили, что сравнение души с углями и представление о светилах как о неких чашах-алтарях также, по всей вероятности, было частью гераклитовской пневматической концепции.

В последней части нашей работы («Заключение») мы, после краткой рекапитуляции всех четырех глав, приводим основные выводы, сделанные нами в ходе исследования:

Во-первых, мы констатируем, что, вопреки мнению большинства исследователей, влияние Гераклита в *De victu* следует признать доминирующим: прежде всего, неизвестный автор заимствовал у него лежащий в основе всего трактата материалистический дуализм. Следует также отметить, что мы были первые, кто связал эту концепцию с гераклитовским фрагментом 53 Mch.

Помимо этого, мы доказали, что Дж. Керк и Робер Жоли ошибаются, и другой ключевой тезис *De victu*: «искусство подражает природе» также восходит к Гераклиту.

Во-вторых: убедившись в том, что Гераклит – главный философский источник *De victu*, мы задались вопросом, зачем он вообще понадобился автору трактата, и почему тот заинтересовался его учением. Как нам представляется, в гераклитовской философии его привлекла главным образом последовательно проводимая параллель между микро- и макрокосмом и тесно связанное с ней представление о душе как о материальной пневме, также микро-

³⁷ Уверенность в том, что такая трактовка верна, была бы большей, если бы ту же цепочку рассуждений удалось провести для луны и звезд, которые Диоген также называет чашами. Впрочем, возможно мы имеем дело с экстраполяцией, т. е. у самого Гераклита речь шла о солнце, а в доксографии это было перенесено на другие светила.

макрокосмическое по своей сути³⁸. Хотя многие наши коллеги не разделяют это мнение, мы не сомневаемся, что автор *De victu* не только был пневматиком, но и заимствовал свою пневматическую концепцию у Гераклита, у которого душа-испарение в теле и воздухом-испарением в космосе соотносятся как микро-макрокосмические корреляты.

Наконец: в нашей работе мы поставили задачу реконструировать отдельные элементы гераклитовского учения. Так, благодаря *De victu*, нам *впервые* удалось обнаружить и восстановить никем ранее не замеченную гераклитовскую метафору «движение солнца как перетягивание каната»; мы также выяснили, что у Гераклита, помимо троичного и четверичного, был также *двоичный* цикл элементов. Помимо этого, мы *впервые* связали гераклитовское представление о чашах (σκάφαί) светил с его пневматической концепцией души.

Таким образом, мы считаем, что *De victu* – важный и заслуживающий доверия источник по философии Гераклита.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

ПУБЛИКАЦИИ В ИЗДАНИЯХ, ВКЛЮЧЕННЫХ В ПЕРЕЧЕНЬ ВЕДУЩИХ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ
ЖУРНАЛОВ И ИЗДАНИЙ, РЕКОМЕНДУЕМЫХ ВАК:

1. Параллель микро- и макрокосма как ключ к интерпретации σκάφαί у Гераклита. // Вестник древней истории. Выпуск 4. 2012. С. 140–147.
2. Εύλον πρίζουσι или ξύλον τρυπῶσι? К интерпретации *De victu* I, 7. // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского –XVII. СПб., 2013. С. 950–956.

ДРУГИЕ ПУБЛИКАЦИИ:

1. Об одной платоновской шутке (Гераклитовский поток в свидетельствах Платона). // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Том V. 2012, С. 27–51.

³⁸ Как известно, пневматические концепции обычно включают такого рода параллелизм.

2. О Гераклите и горящих углях. Аутентично ли сравнение ψυχή и ἄνθρακες в Adv. Math. VII Секста Эмпирика? // Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения. Выпуск 4. 2012. С. 118–123.
3. К реконструкции одной метафоры у Гераклита. // Материалы международного научного форума «Ломоносов-2013» [электронный ресурс]. М, 2013.
4. Ψυχή ἐγρηγορεύουσα или ψυχή ἐπεξέρπουσα. Что означает «выползающая душа» у псевдо-Гиппократa? // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Том VI. 2012. С. 228-234.